

ЕЛЕНА СЪЯНОВА

ГИТЛЕР_ДИРЕКТОРИЯ

Документальный роман (Время)

Елена Съянова

Гитлер_директория

«ВЕБКНИГА»

2014

Сьянова Е.

Гитлер_директория / Е. Сьянова — «ВЕБКНИГА»,
2014 — (Документальный роман (Время))

Название этой книги требует разъяснения. Нет, не имя Гитлера – оно, к сожалению, опять на слуху. А вот что такое директория, уже не всякий вспомнит. Это наследие DOS, дисковой операционной системы, так в ней именовали папку для хранения файлов. Вот тогда, на заре компьютерной эры, писатель Елена Сьянова и начала заполнять материалами свою «Гитлер_директорию». В числе немногих исследователей-историков ее допустили к работе с документами трофейного архива немецкого генерального штаба. А поскольку она кроме немецкого владеет еще и английским, французским, испанским и итальянским, директория быстро наполнялась уникальными материалами. Потом из нее выросли четыре романа о зарождении и крушении германского фашизма, книга очерков «Десятка из колоды Гитлера» (Время, 2006). В новой документальной книге Елены Сьяновой круг исторических лиц становится еще шире, а обстоятельства, в которых они действуют, – еще интересней и неожиданней.

Содержание

Томография Зла	5
ГЛАВА 1. ДОБЫЧА ШАРЛАТАНА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Сьянова

Гитлер_директория

Томография Зла

Жить было бы легко и приятно, если бы Зло приходило в этот мир непосредственно из преисподней, да еще с четкими опознавательными знаками. Дьявол предьявлял бы свои рога и запах серы, нацисты носили бы коричневые рубашки и повязки со свастикой, а для убедительности держали бы в руках окровавленный топор. Но жизнь не такова, в ней легко обмануться. Особенно нам, в нашей стране, где Зло за последние сто лет принимало самые удивительные формы, росло и било нас изнутри и снаружи. Нам не хватит пяти органов чувств, чтобы вовремя оценить опасность. Нужны приборы потоньше и поточнее. Вот Елена Сьянова и предлагает нам подробную томограмму Зла.

Попытаться понять, увидеть и прочувствовать, как, например, вполне неплохие парни, авиаторы и храбрецы, почти ремарковские три товарища, превращаются в строителей чудовищной машины убийства и подавления. Гесс, Геринг и Лей возводят кровавый театр Адольфа Гитлера и самозабвенно в нем играют.

Попытаться понять и увидеть, как высоколобые интеллектуалы и мистики, безглаголиво морщась, шагают в ногу с тупыми мясниками, как тонкие эстеты с ранимыми душами изощрались в пропаганде и водили за нос миллионы людей, в одночасье превращавшихся в бессмысленную ликующую толпу.

Когда я читаю книги Елены Сьяновой, мне всегда тревожно. Можно ли без опасности для собственной жизни и собственного разума проникнуть внутрь разлагающегося сознания и взглянуть на мир из голов этих людей, через их глазницы?! Страшно ведь даже на время забыть все то, что мы знаем, все то, что пережили наши отцы, матери, дедушки и бабушки. Страшно. Для этого нужно немалое мужество. Но у Елены Сьяновой есть и мужество, и талант, и замечательное, острое зрение. Я бы даже сказал «визионерство», если бы не опасался попасть в «не те» сферы. Дело в том, что в книгах Сьяновой документ и реконструкция, поддерживая друг друга, образуют невероятно убедительную картину эпохи. Есть детали, которые нельзя найти в архиве, нельзя и придумать. Их можно только увидеть.

«Гитлер_директория» примыкает к трем романам: «Плачь, Маргарита», «Гнездо орла» и «Каждому свое». Скорее даже не примыкает, а проникает, прорубая в них новые ходы, и освещает уже прорубленные. Здесь Елена Сьянова время от времени показывается в своем собственном обличье – как писатель и историк – и говорит с нами напрямую. Здесь она – хор трагедии, который и переживает, и отстраняется от происходящего, и напоминает нам «будущее прошедшего».

В новой книге Елена Сьянова демонстрирует и еще одну редчайшую способность – она заставляет документ заговорить, да так, что порой дух захватывает.

И завершу той же мыслью, с которой начал. И нам, и нашим детям Зло будет являться в разных, зачастую никак не распознаваемых формах. Более того, и мы, и дети, и внуки рискуем стать орудием этого неопознанного Зла. Кто знает, к каким мифам обратятся новые гитлеры и гиммлеры? Какие новые руны, иероглифы и пиктограммы будут они по-своему трактовать и использовать?!

Они ведь сумели сделать чудовищной древнюю мирную свастику, символ солнца, так кто же им помешает превратить в символ разрушения и смерти что угодно, даже дорожный знак? Они могут искать не Грааль и не Шамбалу, а хотя бы невидимый Китеж-град, не копьё

Лонгина, а Кашееву смерть... И кто знает, какой мелодией станет завлекать наших детей новый Крысолов? Страшно... Потому что неведомо.

Но, возможно, некоторую ясность сумеет-таки внести, а значит, и дать нам хоть какое-то оружие в руки эта мужественная книга Елены Сьяновой. Ее томограмма Зла.

Сергей Бунтман,

первый заместитель главного редактора радио «Эхо Москвы»

ГЛАВА 1. ДОБЫЧА ШАРЛАТАНА

1

Обыкновенная мюнхенская улица, ничем не примечательный особняк, плотные занавеси на окнах. Внутри девять комнат, ковры с масонской символикой, гобелены со свастиками, поверх которых девизы, написанные черной краской; каждая буква обведена золотой каймой: «Помни, что ты немец! Держи свою кровь в чистоте!». Или – «Германия, проснись!».

Ничего необычного для Германии 1919 года.

Таких квартир в одном только Мюнхене десятка три: вместо свастик орлы, молнии или черепа; вместо «Германия, проснись!» – «Германия, воскресни!», красными буквами... Сходство в выражении лиц посетителей, в произносимых словах, в настроении...

Но перст судьбы никогда не тычет вслепую.

Хозяин этой квартиры еще до Первой мировой войны, зачитав до дыр Блаватскую, открыл для себя обетованную землю своих арийских предков – арийскую Атлантиду – Туле, которую упоминал еще греческий географ Пифей. С тех пор у парня началось раздвоение личности. Первую звали Рудольф Глауэр. Он был и оставался сыном простого работяги-машиниста из Дрездена, честолюбивым и трезвым. Вторая громко именовала себя графом Генрихом фон Зеботтендорфом, рыцарем Тевтонского ордена и слыла философом, театралом и патриотом.

«Тевтонский орден одряхлел и погряз в ритуалах; масонство на пути вырождения... Мы создадим свой орден, чтобы освободить немцев, уравнивать избранных, и так мы станем братья», – говорил этот человек.

В конце 1918 года он впервые собрал у себя дома нескольких офицеров, журналистов, двух преподавателей университета и одного поэта и произнес перед ними речь. Через неделю он собрал их снова и устроил ритуал посвящения в новый «орден» под названием «Туле». С тех пор так и повелось: перед новичками, как правило в числе десяти человек, фон Зеботтендорф произносил речь, правда, уже не у себя дома; затем, после повторной проверки каждого, отобранные, в основном по статусному и расовому признаку, приглашались в тот самый особняк и проходили обряд посвящения. Над этим обрядом, безусловно, поработали оба: и мистик-граф, и сын машиниста: здесь был и мало кому понятный «отказ от арфы», полстакана бычьей крови и три последовательных плевка на три слова: «свобода – равенство – братство». Плюнуть на третье слово посвящаемому, как правило, было уже нечем, но это так и задумывалось.

Через год, в 1919 году, мюнхенский филиал «ордена Туле» насчитывал около двух сотен человек, однако к концу года приток новичков стал довольно хилым. То ли веселый Мюнхен исчерпал себя, то ли подули новые ветры... В феврале магистр произносил речь всего перед четырьмя парнями:

– Из «верденской мясорубки», без рук и без ног, с выжженными глазницами и сердцами, налитыми злобой, вы вернулись на землю, урезанную и оскверненную. Где ютиться германскому духу? Где ему черпать силы? Я укажу вам эту землю. Но не ищите ее на картах, дайте ей место в сердцах своих, и мы возродимся...

Пока фон Зеботтендорф, скрестив руки в соответствии с руническим знаком лак, говорил, Глауэр нервничал и присматривался.

По поводу первого новичка грызни между двумя ипостасями не случилось: юноша по фамилии Флик, высокий, белокурый и сероглазый, – идеальный экземпляр, однако будь он хоть зеленым карликом, все равно был бы принят, поскольку являлся сыном самого Фридриха

Флика, металлургического короля. Второго – черноволосого, угрюмого молчуна по прозвищу Русский за то, что учился в Москве, звали Альфред Розенберг. Глядя на него, фон Зеботтендорф морщился, но Глауэр напомнил своему alter ego, что парень неплохо пишет и что собирать немцев со всех краев света – великое дело. «Мы – разделенный народ, помни это!» – сам себе напоминал фон Зеботтендорф. Розенберга приняли.

Глауэр принял бы и третьего – графа Арко-Валли, но этот молодой офицер – белокурый и синеглазый – был с большой примесью еврейской крови, и тут фон Зеботтендорф сказал твердое «нет». По поводу четвертого ипостаси сошлись: летчик, два Железных креста, ранение под Верденом, зеленые глаза и квадратная челюсть – тип скорее ирландский, наследник крупной торговой фирмы. Зовут Рудольф Гесс.

Через неделю, проговорив слова клятвы, хлебнув бычьей крови, плюнув и прочее, трое сделались обладателями заветного символа «ордена Туле» – значка со свастикой, мечом и венком. А отторгнутый граф Антон Арко-Валли позвал друзей – лейтенанта Рудольфа Вагнера и студента Рудольфа Гесса в мюнхенский ресторан «Байерише Хоф» и, хлебнув французского коньяка, долго говорил им о Блаватской, о Гербигере и его «Ледниковой космологии», о лунах, о полой земле, о свастиках на ступнях Будды и свастиках на развалинах синагоги в Тивериаде, об истинном братстве истинно избранных... Когда друзья, пораженные широтой его познаний в области, в которую сами только вступали, попытались его успокоить, он стукнул кулаком по столу и, поднявшись, поклялся – пройти посвящение единолично.

– И не на телячьей крови... сами ее глотайте – тешьте себя! – кричал пьяный граф, пока Вагнер и Гесс его выводили. – Я вам покажу пример! Не я, так мое дело с вами останется!

– Подумай, какая связь между бредом Блаватской, какими-то фантазиями какого-то Гербигера и нашей оплеванной, умирающей страной?! – старался урезонить его Гесс.

– Ты слишком трезв. Трезвым не изменить мира! Какая связь?.. Я вам покажу – какая, – был ответ.

2

Во время зимней сессии 1919 года бывший генерал рейхсвера, а теперь профессор Мюнхенского университета Карл Хаусхофер, принимая зачет у очередного студента, внезапно поднял брови и пристально взгляделся. Этот первокурсник был в форме Добровольческого корпуса, с двумя Железными крестами, а слева, почти под самым воротником у него был приколот значок: черная свастика с мечом и венком.

– Снимите, – быстро, почти не разжимая губ, потребовал Хаусхофер.

У него у самого под пиджаком имелся такой же – знак «ордена Туле», который не полагалось афишировать.

Этим же вечером профессор и студент снова сидели друг против друга в университетском кафе.

– Я, признаюсь, сначала подумал, что вы таким способом хотите получить зачет, – пошутил Хаусхофер.

Но студент не поддержал шуточного тона. Он еще крепче сжал тонкие губы; взгляд сделался острее и нетерпеливей.

– Хорошо, – кивнул Хаусхофер, – поговорим.

Они проговорили не один этот вечер; еще много вечеров и ночей учитель станет разъяснять своему понятливому ученику Рудольфу Гессу множество удивительных вещей. Но главное – поделится с ним своим разочарованием – в строго научном знании, в возможностях и перспективах современной науки. И даже не столько в ней самой, сколько в ее методах. «Иррациональное – вот ключ к рациональному, который немцам стоит теперь попробовать, – скажет Хаусхофер, и Гесс примет это. Раз и навсегда.

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф особенно ценил таких людей, как Хаусхофер, умевших всему придать наукообразную форму, и еще – таких, как мюнхенский поэт Дитрих Эккарт, пьяница и романтик, знаток германской истории и автор боевого клича «Германия, проснись!».

В начале февраля Эккарт, по просьбе магистра, повез нескольких посвященных, в том числе Гесса и сына Хаусхофера Альбрехта, в Баварские Альпы, к «свирепому пророку», автору доктрины «Вель» («Вечного льда») герру Гербигеру, ютившемуся тогда в скверном домишке, нависшем над пропастью.

Белобородый, экспансивный, изголодавшийся по общению «пророк» метался по душевной комнатенке и выкрикивал свои «истины» о борьбе льда и пламени, о пятой луне, о «высших неизвестных», но стоило только кому-нибудь из гостей открыть рот даже не для возражения – для вопроса, как тут же слышалось резкое – «Мауль цу!» (Заткнись!).

«Среди этих его нет, – заявил Гербигер на прощание Эккарту. – Привози еще. Я не успокоюсь, пока не найду».

Все-таки пророк был тяжелым человеком! Магистр представил ему на смотрины десятки претендентов, среди которых оказалась и женщина-медиум по имени Мария Отте, но тот всех забраковал. Дело было в том, что Гербигер обещал, применяя свои особые методы, воспитать настоящего вождя для публичных выходов, своего рода представительское лицо – человека, который смог бы удерживать внимание толпы при помощи магических жестов и телодвижений. «Если предоставите материал», – так было сказано, вполне по-деловому. И с тех пор ни с места. Фон Зеботтендорф злился, а его alter ego – Глауэр вообще считал, что старый хрен валяет дурака и ничего от него не добьешься.

А время поторапливало. Существование в Баварии советской республики, активность коммунистов грозили свести на нет все усилия националистов-мистиков. Смущали и упаднические настроения в самом ордене. Его привносили молодые фронтовики, такие как Рудольф Гесс. Они, видевшие смерть, смотрели на исторические изыски и мистические ритуалы лишь как на оправу к сути, к делу. А где оно, дело?

Этот вопрос Гесс задал напрямую. Фон Зеботтендорф обещал дать ответ.

Он дал его, приняв в орден двух новых членов – Антона Дрекслера и Карла Харрера, сопредседателей Немецкой рабочей партии. Ни того, ни другого Гербигеру не стоило бы даже показывать: лишённые ораторских способностей, оба, тем не менее, сумели сколотить по небольшой группе из крепких рабочих парней, а объединившись, вполне могли называться партией.

С их приходом по заповедной земле Туле точно пробежал свежий ветерок. Изыски из древней истории, ритуалы, медитация и прочие удовольствия были задвинуты на третий план. Харрер, едва приняв посвящение, поставил вопрос о терроре. Дрекслер обещал влить в орден свежую кровь – «белокурых бестий» с крепкими кулаками. Когда магистр спросил, нет у него на примете кого-нибудь, склонного к лицедейству и поболтливей, Дрекслер усмехнулся: «Есть один наглец. Нелепее фигуры трудно вообразить, а туда же! В орден его пускать нельзя. Зато ваш “пророк” – зуб даю – ухватится за него обеими руками».

3

Пивнушка была жуткая. Накурено так, что щиплет глаза; повсюду грязные кружки из-под пива, озлобленные лица, хриплые голоса; кто-то горланит похабную песню... Местечко из тех, какими пугают маленьких детей. Ораторы сменялись один за другим; они срывали голоса, но никто не слушал: здесь ораторами были все. А этот парень был непохож: он стоял молча. Как соляной столб. Даже серо-голубые глаза казались какими-то застывшими. Но все больше беспокойных взглядов стягивалось к этой невзрачной фигуре, и постепенно смолкали голоса. Тогда он заговорил. Сначала тихо. Точно спросил о чем-то. Потом чуть громче, бук-

вально выкрикивая отдельные слова. Через минуту он уже метался как в бреду, выбрасывая вперед руки. Внезапно его голос визгливо взвился к потолку и ринулся вниз таким жутким ревом, точно на головы присутствующим обрушилась стая диких зверей. Все невольно присели. Он еще два раза выкрикнул что-то и затих. А пивная взорвалась! Опять все вскочили, кричали, шумели гремели кружками, выплескивая пену. «Это он, он, Гитлер!» – едва успел крикнуть своей спутнице Рудольф Гесс. Одна из кружек, оставляя за собой хвост, как комета, полетела в этого Гитлера, но случился недолет: остатки пива выплеснулись ему на брюки. Вторая кружка угодила точно в лоб... Гессу, который, метнувшись наперерез, преградил ей путь. Пиво и кровь, перемешавшись, смыли сознание...

К дракам в пивных Мюнхена полиция привыкла. Однако в конце 19-го года было дано указание взять пивную «Бюргербройкеллер» под особый контроль. Командирам подразделений, выезжавшим на инциденты, было приказано не арестовывать парней с членскими билетами Немецкой рабочей партии. Некоторые из командиров, состоявшие на хорошем счету у начальства, например, расторопный новичок Генрих Мюллер, получили разъяснение: этой партией заинтересовалось командование и сам бывший 1-й генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф, недавно вернувшийся в фатерланд из вынужденной эмиграции.

В последней драке в пивной «Бюргербройкеллер» Мюллер арестовал пятнадцать человек. Пятеро были коммунисты; девять – с билетами Немецкой рабочей партии, а еще один, как утверждали его товарищи, забыл свой билет дома. У этого парня была сильно разбита голова. Один из его товарищей вызвался принести его билет, что вскоре и сделал. Мюллер, правда, все понял, поскольку билет был явно только что сляпан, но... какая разница – Рудольфа Гесса, «члена Немецкой рабочей партии», по инструкции следовало отпустить вместе с остальными.

– Вот вы и прошли боевое крещение, – сказал Гитлер Гессу, когда тот очухался после удара по голове. – Теперь мы можем на вас рассчитывать?

– Вы... Вы можете, – отвечал Гесс.

У него все еще сильно кружилась голова. Его спутница и сокурсница Эльза проводила его до дома Хаусхофера. Профессор вызвал врача. Впервые во взгляде учителя Гесс заметил холодное презрение. Когда на следующее утро вместе завтракали, Хаусхофер прямо сказал, что не одобряет решения магистра «Туле» фон Зеботтендорфа иметь дело со всякой шпаной.

– Мы замыслили великое дело, Руди, – выстроить мост из сакральных знаний предков, который позволит нам, минуя настоящее, шагнуть в будущее. Мы должны создать такое государство, которое своей волей сумеет осуществить этот замысел. Для этого нужен мессия... Только не говори мне про этого Гитлера! – вдруг сердито выкрикнул обычно сдержанный Хаусхофер. – Нам нужен мес-си-я! Тот, кто посредством величия духа соединит земное с небесным! Или хотя бы сыграет такую роль! А этот – видел я его – недоучка, истерик, с оловянными глазами, бонапартишка из пивной! Где твои глаза, Руди?! Где твоя голова?! – он небрежно кивнул на забинтованный лоб Гесса: – Смотри, в этих пивных совсем тебе ее снесет!

– В самом деле, мои дорогие, ведь подобные игры опасны, – фрау Марта Хаусхофер, обращаясь к Рудольфу и сидящему тут же своему сыну Альбрехту, раскрыла свежую газету. – Вот, взгляните. Такой милый мальчик, романтический, мечтал об экспедиции на Тибет. Я знаю его родителей. Что теперь с ним будет?!

В то февральское утро мюнхенские газеты сообщали об убийстве главы советского правительства Баварии, «красного диктатора» Курта Эйснера... молодым офицером, графом Антоном Арко-Валли, тем самым, что за примесь в крови не был принят в «Туле».

И тем же вечером, сидя в своей комнате, Рудольф Гесс писал будущей жене Эльзе:

«Прочти “Эннеады” бессмертного Плотина. Как он созвучен нордической науке! Мы забыли о магической связи со Вселенной, а она жаждет только привести нас в гармонию с собой! Все должно быть связано, все!.. Я понял теперь, что своим поступком сказал мне Арко-Валли: “Там, где связь пока не видна, следует просто окрасить ее – кровью”».

«Мифы – это витамины духа». Герр Гербигер, автор доктрины «Вечный лед», не церемонясь, срывал такие фразы у всевозможных авторов, чтобы варить из них собственное ученье. «Свирепый пророк» становился тихим и задумчивым, когда гулял со своим учеником по горному лесу. Произнося монологи, Гербигер постоянно что-то собирал: травы, почки, ягоды, а затем, у себя на кухне, готовил из них супы, отвары и жаркое из корней и заставлял Гитлера есть. Поэтому больше трех дней Гитлер в гостях у Гербигера не выдерживал: он как-то признался Гессу, что, оставшись на четвертый, начал испытывать зверское желание приготовить себе завтрак из самого пророка.

Но это были не единственные мучения. Ганс Гербигер отказывал своему ученику в серьезных теоретических беседах, пока тот не прекратит «махать руками». «Ты мелешь воздух, как мельница, перемалывая собственную энергию, дробя ее впустую. Руки должны быть замком. Глаза щупальцами. Голос – извержением, оплодотворяющим толпу...» – внушал Гербигер в очередной раз, ставя Гитлера перед низенькой обшарпанной стенкой террасы, опасно нависающей над пропастью. «Там, там, – тыкал он пальцем вниз, – там Германия! Туда говори». Гитлер говорил, изо всех сил стараясь унять руки, однако тут же начинало метаться остальное тело, и пару раз он едва не навернулся с двух сотен метров. Наконец Гербигер плюнул, и тогда появился... ящик. Внешне он был похож на высокую, узкую трибуну. Встав в него, Гитлер начал говорить, думая, что стенки только ограничат разгул его рук, и внезапно взвыл от боли. Стоило ему только привычно податься назад, как в спину и пониже что-то впилось; он дернулся было в бок, и правое плечо точно прошило. Весь ящик изнутри оказался утыкан жуткими тонкими иглами, позволявшими, как позже выяснилось, двигать только руками и только по заданной траектории. А лучше было вообще держать их замком там, где мужчине и положено.

Нет, Гербигер не ошибся, предпочтя этого парня остальным. Весь белый и мокрый от напряжения и боли, Гитлер упорно, раз за разом устраивал себе эту «инквизицию» и достиг результата. Вскоре «ящик» был отменен и отправился в сарай, до следующего «ученика». А в тело Гитлера точно вставили штырь. Гербигер, правда, называл это по-другому. Он говорил: «Вот теперь, Адольф, ты пустил корни, и тебя пришлось бы выкорчевывать. Но еще поглядим, отыщется ли такой садовник теперь, когда я начну учить тебя по-настоящему».

Гитлер менялся, когда начинал говорить; это замечали все. Но в остальном оставался прежним. «Мелкий себялюбец, честолюбивое ничтожество» – других определений для него у сопредседателя Немецкой рабочей партии Антона Дрекслера не было. И вот этот «мелкий» – Дрекслеру он был по плечо – принялся активно его подсаживать. Каким-то чудом ему удалось сделать две вещи: во-первых, буквально влюбить в себя уважаемого Рудольфа Гесса, связанного с серьезными денежными людьми; во-вторых, держать на коротком поводке свирепого гомосексуалиста Эрнста Рема, штабиста 7-го военного округа.

Рем, краснолицый, шумный, улыбчивый сангвиник, всюду таскался со своим охвостом: все, кто попадал в поле его внимания, в конце концов туда встраивались. Единственным исключением стал Гесс, по уши влюбленный в красивую девчонку по имени Эльза Прель. Это только подхлестнуло нежные чувства Рема, и он стал смотреть на Гесса с таким вождением, что Дрекслера тошнило. Сам же Гесс с непостижимым для сопредседателя партии восторгом взирал на Гитлера. И вот там, где любой другой наверняка проиграл бы, Гитлер умудрился выиграть, использовав Гесса, скрутил и намотал себе на руку волю Эрнста Рема.

На очередном заседании комитета партии, когда передача руководства от одного сопредседателя к другому должна была пройти как формальность, именно Рем вдруг потребовал выборов. Гесс его поддержал. Гитлер молчал, скромно потупившись. Молчали и остальные члены комитета. Дрекслеру пришлось напомнить, что его Комитет независимых рабочих, объ-

единившись с Политическим союзом рабочих Харера, и составил собственно партию – НРП, и если кто-то желает присвоить себе чужие заслуги... Тут Гитлер вскочил... Однако вместо обычной клоунады с воплями и дерганьем всех конечностей вдруг заговорил твердо и здраво: дело не в председателе... это потом. Дело в ясной концепции и способности ее популяризировать. Для начала собрать большой митинг и заявить о себе. Купить или основать газету. Нужен прорыв. Мы должны действовать как штурмовой отряд. А кто пойдет во главе – неважно. И еще. Правительство красных нам пока не по зубам. Пусть их свергают другие. Мы, НРП, должны выесть под коммунистами их основу – рабочих, увлеченных социализмом. (Он так и сказал – «выесть».) И закончил тоном учителя, утомившегося разъяснять истины тупым ученикам: «Не о председательстве я помышляю, друзья мои, а о программе».

«Или сей же час выкинуть этого актеришку из партии, пока я еще могу... Или он сам тут все “выест”», – сказал себе Дрекслер.

Но сила захватившей его ненависти и какого-то жутковатого предвиденья так не соответствовали реальным обстоятельствам, что он... промолчал.

5

Весна 20-го не принесла Германии облегчения. И хотя война была окончена, немцы никак не могли зажить в гармонии с природой: март стоял солнечный, лопались почки; бульвары дразнили унылых мюнхенцев яркими узорами из фиалок и крокусов... Но даже здесь, на мягком и приветливом юге, люди были мрачны: старики унылы, молодые озлоблены. У Германии, какой она вышла из войны и Версаля, не было будущего – это понимали все. Но, виновная перед всем миром, Германия еще сохраняла гордость. Она, как попавшийся в сети дикий зверь, совершала беспорядочные, на первый взгляд, телодвижения, не то выдираясь на свободу, не то сильнее запутываясь. Германия вступала в полосу путчей.

В течение недели страну судорогой сводили попытки Каппа, Эрхарда и Людендорфа, двинувших Добровольческий корпус и части рейхсвера на Берлин, свергнуть коалиционное правительство Веймарской республики. Вершиной этого путча, названного потом «Капповским», был захват Берлина, отъезд в Штутгарт президента Эберта и провозглашение журналиста Вольфганга Каппа военным диктатором.

Прожженный бюрократ и трус Эберт намеревался просто прикрыть лохмотья на израненном теле Германии добротным сюртуком буржуа; милитаристы, вроде Людендорфа, – снова натянуть ей на голову стальной рыцарский шлем. Против того и другого восстал здравый смысл немецкого пролетария, на которого плевать было всем. В Германии началась всеобщая забастовка; около пятнадцати миллионов человек сказали путчу нет; путчисты залили Рур кровью, но и сами канули в «лету национального позора». После этих событий Независимая социал-демократическая партия Германии начала стремительную трансформацию в Коммунистическую партию, и все попытки высоколобых экономистов доказать, что социализм как общественный строй нежизнеспособен, провалились. Социализм сделался национальной идеей немецких рабочих – той единственной силы, которая, осознав себя, могла бы решать судьбу страны.

«Я знал, что делал, еще 20 февраля потребовав переименования Немецкой рабочей партии в Национал-социалистическую рабочую партию, – радовался Гитлер. – Я знал что делал, втолковывая вам мои 25 пунктов, в которых собрано все, все, черт подери, что может привлечь массы. Вы еще не поняли, как это важно, чтобы в программе партии было собрано все?!»

Он теперь постоянно ходил, выгнув назад спину и с какой-нибудь книгой под мышкой, вроде «Заката Европы» Шпенглера, «Народа без пространства» Гримма или «Третьего рейха» Ван ден Брука, который так пророчески писал о немцах: «Мы были тевтонами, мы стали немцами, мы будем европейцами». Еще Брук писал, что «Первый рейх – это Священная Римская

империя Карла Великого; Второй – Империя Бисмарка, а третий должен стать федеральным, христианским и европейским государством». Гитлер же переврал эти слова таким образом: «Первый рейх, – внушал он партийцам, – это Бисмарк, второй – Веймарская республика, а третий... третьим буду я». У большинства его слушателей в 20-м году на такую наглость несколько отвисала челюсть; в тех же, кто пытался возразить, камнем летело фирменное «Мауль цу!». Это был период, когда Гитлер присвоил манеру Гербигера и постоянно орал на соратников; исключение составляли очень немногие, например Гесс, который на заявления типа «Третий рейх – это я», реагировал так: «По сути верно, но по форме... преждевременно, Адольф».

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф благословлял тот день, когда, вняв совету Гербигера, не предложил Гитлеру вступить в орден, несмотря на нажим Гесса и Розенберга. Гитлер обладал одним свойством, которое составляло предмет борьбы самого фон Зеботтендорфа с собственным «вторым я», – он всюду привносил пошлость.

Весной 20-го, невзирая ни на какие политические смуты, фон Зеботтендорф думал о снаряжении двух «экспедиций»: одну в Шотландию, в замок Росслин, где, по преданию, в одной из колонн была замурована чаша Грааля. Другую – в Вену, с целью выкрасть у австрийцев «копье Оттона», или «копье Лонгина» – то самое, которым римлянин Кассий Лонгин ткнул под ребро распятого Христа. Ах, это копье, выкованное, по преданию, с соблюдением всех мистических ритуалов, – кто только им не потрясал! Иисус Навин сокрушил им стены Иерихона... Ирод Великий, Оттон Великий, Константин Великий и Карл Великий побеждали, держа его в руках. Только Наполеон сплюхвал: по легенде, копье у него украли перед самым походом на Москву.

Теперь фрагмент этого копья в виде ржавого куска металла без толку пылился в венском музее Хофбург. Экспедиция туда, правда, готовилась скорее как грабеж со взломом. Но недаром фон Зеботтендорф столько лет боролся со своим плебейским alter ego. Магистр научился все окружать возвышенной тайной и подбирать таких исполнителей, которые, даже грабя музей, сумеют остаться на недостижимой для простых смертных моральной высоте.

В Шотландию вызвался отправиться Гесс. Сделать это он собирался открыто, например, под предлогом установления какого-нибудь летного рекорда. Весной 1920 года офицер Добровольческого корпуса Рудольф Гесс не принимал участия ни в каких глупых путчах, а усиленно тренировал свои навыки летчика, заодно разбрасывая антисемитские листовки над рабочими митингами. Мифы мифами, но нужно было и дело делать.

6

«– Мы нация войны. Но материальная, механическая война – это только внешняя форма. Мы проиграли такую войну потому, что были слепы и глухи к той войне, что велась в ином мире, за кулисами внешних событий. Мы дрались, как дети, не услышав подсказки взрослых. Мы победили бы, если бы услышали их голоса – голоса наших богов, желавших сделать нас современниками будущего. Запомни – войны тел есть прикрытие войн за души. Но чтобы стать полководцем в такой войне, ты должен войти в мир, где картезианский разум больше не сливается с реальностью...» – Гербигер продолжал говорить... Гитлер продолжал слушать... Но, как это постоянно теперь случалось, его понимание наглухо заклинило незнакомое слово. На этот раз слово было – «картезианский». С этого места все, что скажет Гербигер, придется просто запоминать, чтобы после разобраться самому.

Вернувшись в Мюнхен, Гитлер полез в словарь и нашел там толкование: картезианцы – монашеский орден, XI век, французские Альпы, долина Шартрез. Ну и... чего там эти монахи придумали, какой такой особый разум?

Хорошо, под рукой всегда был теперь всезнающий Гесс, который сказал: «Да нет, монахи тут ни при чем. Carthesius – так по латыни произносится имя Декарт».

Именно теперь, в начале 20-х, Адольф Гитлер проклинал свою безалаберную молодость, из которой вышел тридцатилетним недоучкой.

Вообще, стоило только сунуть в политику нос, как все стало трудно, труднее, чем он ожидал. Он всегда был одиночкой, индивидуалистом, «пастухом». Но прежде чем вернуться в эту единственно возможную для себя форму существования и уже не в воображении своем, а наяву погонять стадо, нужно было самому пожить в нем, усвоить его законы, выучить себя им подчиняться. А как иначе познать механизмы подчинения, если не пропустить их через собственную плоть?! Так учил Гербигер. И после утыканного иглами ящика, но уже не в ущерб теоретическим беседам, «пророк» предложил своему ученику пройти следующую ступень, как он это называл, «врастания в вожди». «Ты делаешь много глупостей, Адольф, – сказал он. – Как все дилетанты, ты самоуверен и тороплив. Ты смешон. И ты беспомощен. “Испанский сапог” – вот что нужно твоему самолюбию. И все восемь клиньев вбить».

Этой веселенькой перспективкой Гитлер поделился с Гессом. Тот возмутился, обругал Гербигера «самодуром» и «свихнувшимся инквизитором», но Гитлер велел другу прикусить язык. «Этот хрен прав, и я ему благодарен, – выдохнул он. – Помнишь, ты рассказывал, как тебя мальчишкой выдрали из семьи и поместили в интернат, в Годесберге. Как ты от одиночества был там на луну. А по мне мать все детство только сопли размазывала».

Гесс прикусил язык еще и для того, чтобы не проговориться. От Хаусхофера он знал, что у «свирепого пророка» появился еще один ученик по имени Альберт Шлагетер. Гесс хорошо его знал по Добровольческому корпусу. Обаятельный парень, всеобщий любимец, оратор, каких поискать: Адольф при сравнении сильно ему проигрывал. Ученики, к счастью, пока не пересекались, поскольку Шлагетер проводил идеи «Туле» в городах Рурской области, оккупированной французами.

А Гитлер ходил как триумфатор. Успех первого же большого митинга, на котором он выступил, 25 пунктов, объявленные программными, приток новых членов, выход из партии Харрера, порицавшего антисемитизм и прочее, он самодовольно приписал одному себе.

6 июня, ничего не подозревая, он пришел на «расширенное» заседание комитета партии. Его не насторожила ни неожиданность приглашения, ни выбранное место – зал «Охотничьего клуба» на триста человек. Когда он вошел в зал – точно в указанное время – все места оказались занятыми, и кресла президиума – тоже. Гитлеру пришлось встать возле дверей. Он оглядел зал, принялся: говорили о дисциплине, об анархистах в партии, о каком-то «выскачке»... Председатель Дрекслер возмущался по поводу всяких «не имеющих веса болтунов», «ефрейторов, тщащихся украсть маршалский жезл»... Зал бурно реагировал, соглашаясь. Гитлер почувствовал на себе сочувственный взгляд из президиума – взгляд Готфрида Федерера, экономиста, подлинного идеолога и самого влиятельного члена в НСДАП. И тут его точно окатило грязной волной – он понял: говорили о нем. Зал взвизгнул от восторга, когда Дрекслер помянул «мазилку, не умеющего провести ни одной верной линии...».

Гитлер выскочил из клуба как ошпаренный. И, вильнув за угол, в буквальном смысле налетел на компанию человек из восьми. Это были бывшие леваки-спартаковцы, члены только что образованной КППГ. Недавно парни Рема подстерегли троих членов их комитета; и теперь коммунисты пришли вернуть нацистам долг и тоже кого-нибудь отдубасить.

Гитлер дрался плохо. Получив в ухо, он предпочел сбегать за подмогой.

Таким образом, два первых клина «испанского сапога», надетого на самолюбие Адольфа, были вбиты 6 июня 1920 года. Но в партийной «летописи», которую еще с весны начал вести предусмотрительный Гесс, появилась такая запись: «6 июня 1920 года мы вступили в бой, осененный волею арийских богов, и звон их мечей над нашими головами отныне будет сопровождать нас до победы».

Справа, на полях, кто-то сделал рисунок: внизу куча дерущихся тел, а над ними скрестили мечи две фигуры. Под одной – подпись неразборчива; под другой – «дух Парсифаля».

Есть предположение, что рисунок сделал Эмиль Морис по прозвищу Француз, который с 6 июня станет телохранителем Гитлера, а в партийной летописи будет назван «первым солдатом СА».

7

Уже к 21-му году «орден Туле» начал приобретать характерные черты боевого авангарда Германенордена. Но пробивная активность требует отступлений от правил. Магистр «Туле» фон Зеботтендорф фактически оставил свои попытки ужесточить расовые требования к неопфитам и больше не ссылался на страшную статистику деградации новых поколений немцев: скорость, с которой шел этот процесс, говорила о том, что через пятьдесят лет не менее сорока процентов немецких детей появится на свет с умственными или физическими недостатками. В самый разгар войны, летом 1916 года, великий магистр Германенордена Герман Поль прямо поставил вопрос: какова причина стремительного вырождения немцев? Ослабляющие мужской потенциал войны, монополии, убивающие благополучие среднего класса, коррупция, беззаконие, нищета? Безусловно, так, – был дан ответ. «Но кто сказал, что выход всегда один?! – писал в 1917 году другой отец-основатель Теодор Фрич. – И кто запретит нам открыть немцам их собственный путь?!»

Предположу, что именно Поль или Фрич первыми указали на главного врага Германии начала двадцатого века под условным названием «Заговор сионских мудрецов». И хотя сама идея еврейского заговора порхала по страницам газет еще с конца века девятнадцатого, но именно стараниями Германенордена она начала обретать твердость крупновской стали и сладковатый привкус крови.

До войны неопфиты тайных обществ иногда проходили тест на пластомере, аппарате для измерений параметров черепа, изобретенном берлинским врачом Вилингеном. Но магистр «Туле» не решился бы подвергнуть подобной процедуре прошедших Верден ветеранов. Пластомер был отложен, до поры. Обоснование попытался дать Розенберг, у которого, кстати, имелись свои счеты с ревнителями расовой чистоты: в свое время его не только не приняли в Добровольческий корпус, но и довольно презрительно отозвались об отнюдь не арийской внешности. Розенберг только что закончил книгу под названием «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Его утверждение о том, что это «глупо и легкомысленно с сантиметром в руках измерять индексы черепов» фон Зеботтендорф согласился распространить как продуктивную идею, и не только на членов своего ордена. «Боевой авангард» старался сотрудничать со всеми оккультными обществами Германии; иногда даже устраивались «совместные мероприятия». В 21-м году, например, магистр позвал главу «Общества Эдды» Горслебена прочитать лекцию под названием «Арийский человек» о новейших исследованиях в германской мифологии. А затем уже «Эдда», в полном составе, была приглашена на лекцию Альфреда Розенберга, которую он назвал «Масоно-еврейский путч в России».

Розенберг утверждал, что в 18-м году, покидая Москву вместе с несколькими офицерами бывшей царской армии, он горячо спорил с ними о природе большевистской революции и на прощание получил прелюбопытное издание – якобы сделанный тайком протокол секретного заседания Всемирного сионистского конгресса в Базеле в 1897 году. Правда, позже, в Ревеле, Розенбергу объяснили, что «протокол» этот, по слухам, состряпал кто-то из чинов российской секретной полиции специально для боевиков, готовивших в 1905 году еврейские погромы. Потом «документ» вышел в виде приложения к книге Нилуса «Антихрист». Так что в России у «протокола» оказалась подмоченная репутация; там его знали. «Однако... все знают, как выглядит бомба, но не все видели, как она взрывается», – подумал тогда Розенберг.

Он вступил в «Туле» с этим «протоколом», как с входным билетом. «Да, национализм и антисемитизм – два вагона, которые давно нуждаются в сцепке. Вы нам ее дали», – сказал ему фон Зеботтендорф и поручил доработать «протокол» с учетом текущих реалий.

Свою первую лекцию о революции в России Розенберг читал в Байройте во время очередного Вагнеровского фестиваля. Дом предоставила Уинфрид Вагнер, невестка покойного композитора. Магистр кое-кому сделал исключение и позволил привести друзей и родственников, и теперь тут тихо сидела тринадцатилетняя сестра Гесса Маргарита, ее родители всегда привозили из Александрии на Вагнеровские фестивали. Гитлер, которого часть аудитории, по знаку Гесса, приветствовала вставанием, выглядел мрачным и обиженным на весь мир. Он демонстративно сел рядом с Маргаритой и глухо молчал. В перерыве Гесс, чтобы его развлечь, похвастал познаниями сестры в области германской мифологии, а также – в древнем скандинавском алфавите – футарке, состоящем из двадцати четырех рун. У Гитлера вдруг загорелись глаза. А когда Гесс добавил, что у его Греты уже есть своя руна – кена, или факел, выводящий из мрака невежества, – руна всех знаек и художников, Гитлер ткнул пальцем в значок «Туле» на груди Гесса и сказал, что левостороннюю свастику следует заменить на правостороннюю. Потом он спросил Маргариту, не вспомнит ли она из Старшей Эдды или саксонских скальдов какие-нибудь красивые строчки о шестнадцатой руне зиг – солнечном символе победы и славы. Грета помнила:

Взошедшее солнце всегда означает надежду.
Но зиг берегись призывать.
Лишь темные силы в душе успокоив,
Ты силу души увеличишь в сто крат.
Тому, кто поступит иначе
С шестнадцатой руной не будет удачи.

8

В 21-м году немцы наконец узнали, какую сумму репараций наложили на них победители: 132 миллиарда золотых марок. Это в стране, где довоенная марка стоила около 10 тысяч бумажных. Если же репарации не будут выплачены в срок, Франция грозила ввести в Рур войска, то есть, отрезав от Германии 80 процентов всей угледобычи, таким образом добить ее экономику.

Гитлер торжествовал.

«Он гений, – писал Гесс родителям в Александрию. – Когда все мы плачем, он смеется, он счастлив».

С весны 21-го года Адольф Гитлер начал избегать многолюдных партийных собраний и малочисленных уличных митингов, заканчивающихся массовыми драками. Теперь он посещал модные интеллектуальные диспуты, на которых сходились рвущиеся в большую политику молодые лидеры уныло однообразных партий широкого диапазона – от нацистских до либерал-демагогических. На этих диспутах никто не орал, не топал и не бросался гнилой брюквой, а самым большим оскорблением было что-то вроде: «Я не стану вам на это отвечать!». И тем не менее, попотев на подобных мероприятиях, Гитлер, подобно пушкинскому Сальери, смог воскликнуть: «Наконец нашел я своего врага!».

Врага звали Рудольф Штайнер.

Знаменитый исследователь творчества Гёте, Шопенгауэра и Ницше, глава Антропософского общества жил в швейцарском Дорнахе, около Базеля, читал лекции, ставил философские мистерии, принимал знаменитых гостей, желавших постигнуть его философию свободы, и не

подозревал, какую печеночную злобу стремительно взрастил в себе некий субъект по имени Адольф Гитлер.

Вирус этой злобы, конечно, перешел от Гербигера.

«Пророк, поднявшийся на высший уровень познания, диктует оттуда истину, к которой не должен быть приложен инструмент мышления низших. Только чувство может приподнять этих низших до созерцания Космоса и Пророка». Так внушал Гербигер. У Штайнера все наоборот. «Мышление, – говорит он, – есть элемент, посредством которого мы все поднимаемся до соучастия в общем свершении необъятного Космоса. Чувствование же возвращает нас в тесноту нашего собственного существа!»

Вот так. И – «мауль цу!». Штайнеру не крикнешь, потому что сидит он там в своей Швейцарии, как небожитель, в окружении учеников со всего света. А кто к Гербигеру ездит? Одни психи недоученные.

И эта желчь учителя, и вся тогдашняя неудачливая, неустроенная жизнь способствовали тому, что Гитлер, вступив в возраст Христа, начал страдать «синдромом Герострата».

Многих, наверное, интересует вопрос: а был ли сам Адольф банальным убийцей, то есть застрелил ли он кого-нибудь собственноручно, за рамками военного времени, конечно? Так вот, весной 21-го года Адольф Гитлер готовился стать убийцей. И даже этого не скрывал. «Мой друг опасно болен, – писал Гесс родителям в Александрию. – ...поездка в Базель, к Штайнеру – вот кардинальное средство: оно или убьет его, или излечит». И попросил выслать энную сумму, что его отец, глава процветающей торговой фирмы, тотчас же и сделал. Гесс, правда, не уточнил, что убивать собрался сам Адольф и что отправился он к Штайнеру с револьвером в кармане. Однако в начале июля Гесс сообщает родителям, что «визит в Дорнах состоялся» и что «трибун (так он обычно именовал Гитлера) совершенно излечился от пережитой лихорадки».

На деньги Гессов Гитлер провел в Швейцарии около двух недель. Все, что в Дорнах окружало Штайнера, – и красота Гетеанума (Дома Слова), и уроки знаменитой Вальдорфской школы, и репетиции мистерии «Пробуждение души», которые проводил сам Штайнер по правилам «искусства видимой речи» – эвритмии... поразили Гитлера. Особенно эвритмия, по сути – созданный Штайнером новый вид искусства, в котором процессы, проходящие в организме человека во время речи или пения, получили художественное воплощение в зримом движении человеческого тела.

Все это было прекрасно, все обращено к душе человека, не имеющей цвета, как кожа. Стремясь постигнуть гармонию Космоса, Штайнер желал перенести эту гармонию на общество, и он не только желал, писал и говорил – он строил, он действовал, но, увы, на той же самой мистической поляне, хозяевами которой уже объявили себя Германенорден и «апокалипсист» Гербигер.

Итак: весной 21-го года Гитлер не застрелил Штайнера. Немецкая мистическая традиция еще имела шанс вырваться на другой путь.

Сделаю отступление и дам историческую справку: именно лекции Рудольфа Штайнера слушал в Дорнах Ленин.

Пока Гитлер отсутствовал, комитет партии во главе с Дрекслером составил против него обвинительный документ. Последовала довольно мутная история, в которой Гитлер предпочел действовать «по инстанциям» и подал в суд за клевету. Иск был подкреплён кулаками парней из ремовского окружения. Дрекслер судиться не стал, чтобы не позорить партию. 29 июля 1921 года Гитлер занял вождельный пост председателя НСДАП. А парни Рема, добывшие ему победу, отныне стали называться Штурмовым отрядом, который, немного окрепнув, еще навестит Штайнера.

Удивительное дело – энергичные, озлобленные фронтовики, вроде Рудольфа Гесса, еще год назад постоянно теребившие мастеров «Туле», требовавшие активных действий, по мере того как Гитлер набирал в партии вес, как будто успокаивались.

«Суета с драками, битьем окон, всякими выходками, даже политические покушения и убийства – это удел маленьких партий, которым необходимо иногда пошуметь, чтобы о них вспомнили, – презрительно заявил на одном из собраний Гесс. – Все они на выдохе, мы же только набираем воздух. Мы, нацисты, надвинемся на Германию, как грозная туча, прошистая молниями, или, порвав цепи, взлетим и, подобно священному орлу Вотана поднимая своими крыльями ледяной ветер, замедлим вращение мира».

Фон Зеботтендорф, иногда посещавший собрания НСДАП, поражался: как быстро эта партия, едва высунувшись из «кармана» «Туле», заговорила на собственный, высокопарно-истерический лад, который, как оказалось, очень нравится туповатым, необразованным, полуголодным парням, валом валившим в ее ряды. И все же он посоветовал Гессу не жонглировать дорогими сердцу символами перед теми, кто в них ничего не смыслит. «Я только повторил слова фюрера», – отвечал на это Гесс. «Кого?! – снова поразился фон Зеботтендорф. – Как ты его назвал, мой мальчик?!» Выражение лица магистра было при этом таким веселым, что Гесс только сердито поджал тонкие губы. А фон Зеботтендорф вспомнил, что недавно сказал ему о своем любимом ученике Хаусхофер: «У Рудольфа совсем нет личного честолюбия; все оно направлено на Германию. Этот Гитлер раньше нас с тобой это понял, потому и вцепился в него зубами и когтями».

«Этот» Гитлер вообще оказался довольно шустрим. Например, пока мастера «Туле» еще только неторопливо и тщательно разрабатывали для партии ее символику, перебирали варианты и вальяжно спорили, «этот» Гитлер уже все решил. На одном из заседаний руководства партии фон Зеботтендорф стал свидетелем занимательного спектакля.

В пивной «Хофбройкеллер» был небольшой зал, который хозяин предоставлял в распоряжение герра Гитлера и его друзей. Вот в нем они и собрались, формально – для отчета управляющего делами партии Макса Амана, чьим авторитетом Гитлер хотел продавить в соредакторы партийной газеты «Народный обозреватель» Альфреда Розенберга, которого ее редактор Эккарт ни в грош не ставил. Пока препирались по этому поводу, фон Зеботтендорф обратил внимание на сидящего рядом мальчика лет двадцати: на цыплячьей шейке крысиная мордочка с усишками, близоруко щурится, на ногте безымянного пальца левой руки, согласно нацистской моде, пивная руна науд. Его привел Гесс и, кажется, даже представил в качестве кандидатуры знаменосца Штурмового отряда, но магистр имени не запомнил. Этот юнец делал доклад о природе символизма, что-то бубнил по бумажке о смысле трех основных цветов – красного, белого и черного, пока присутствующие остывали после ругани о соредакторах. И внезапно, точно фокусник из ниоткуда, выдернул и развернул красное полотнище с огромным белым кругом посередине и черной свастикой внутри, обрамленной четырьмя венками из дубовых листьев. В углах знамени сидело по орлу в разных позах, и у каждого в когтях по белой свастике. Эрнст Рем, крестный отец штурмовиков, выдохнул шумно, как бык, и приосанился: знамя ему понравилось.

– Личный штандарт Адольфа Гитлера! – тоненько выкрикнул мальчишка и ловко растелил его, как скатерть, на длинном столе, за которым они все сидели.

Рем вытаращил глаза и побагровел. Встал Гесс и заявил, что фюрер должен иметь лейбваху, личную охрану, которой требуется лейбштандарт, в котором должны содержаться все главные символы, а для штурмовиков с их более узкой задачей тоже есть вариант, и «наш товарищ Гиммлер сейчас его представит». Мальчик с усишками, пряча от Рема глаза, вытаращил

«вариант» – продолговатый черный треугольник с черепом и костями. Рем вскочил и, пыхтя от возмущения, схватил предполагаемого знаменосца за шиворот и вытолкнул за дверь. Потом он ринулся к Гитлеру, но дорогу ему преградил Гесс. Такое уже случилось.

Если бы Гитлер и Рем хотя бы раз сошлись лоб в лоб, то снесли бы друг другу черепа, но между ними всегда вставал Гесс, и оба отступали, на шаг. И теперь, поорав, обменявшись обвинениями в стремлении «все подмять под себя», в конце концов на чем-то поладили и дружно выпили.

Уходя вместе с Гессом и Гитлером, магистр снова увидел того парня, которого едва не побил Рем. Гиммлер невозмутимо стоял возле двери и как будто чего-то дожидался. Мимо него прошел Гитлер, слегка хлопнув по плечу. Гесс остановился и что-то сказал. Гиммлер, опустив глаза, четко, по-военному, кивнул.

– Я велел ему пока отсидеться у Штрассера, в Ландсхуте, – объяснил Гесс магистру уже в машине. – Потом я его верну. – И обернувшись к Гитлеру, кутавшемуся в плащ на заднем сиденье, добавил: – Клянусь моей верностью, Адольф, у тебя будет преторианская гвардия!

10

«Я не признаю ни этого правительства, ни этого государства! У меня есть моя родина, которую несколько государственных изменников трусливо предали в Кампъенском лесу. Государство, построенное на измене и предательстве, – незаконно. Это государство, именуемое Веймарской республикой, невзирая на все провозглашенные им свободы, должно быть уничтожено, Версальское правительство свергнуто, а изменники, купившие личную власть за немецкие земли, приобретенные ценою пота и крови наших предков и гения ее прежних правителей... эти подлые изменники должны быть осуждены и наказаны, как и следует наказывать за государственный грабеж и унижение нации, – смертью».

В этих словах Гитлера четко выражено то, что в начале двадцатых думало 99 процентов всех немцев. Похожие слова произносили лидеры все большего числа политических партий, и всякий раз – аудитория, будь то элитный охотничий клуб или толпа на площади – взрывалась аплодисментами.

Речь Гитлера, которую Гесс в «партийной хронике» приводит целиком, помечена 24 августа 1921 года. А 26 августа был убит Маттиас Эрцбергер, один из лидеров-центристов, тот, что в 1918 году подписал в Кампъене перемирие, положившее, по мнению националистов, начало процедуры большой государственной измены. Убит он был боевиками из группы «Консул», входившей в Германенорден.

А еще через день, 28 августа того же 21-го года, Германенорден оповестил (в частности через журнал «Хаммер») все свои тайные общества и политические организации об общем сборе для продления «черного списка предателей», в который войдут Эберт, Шейдеман, Ратенау, писатели и журналисты-республиканцы. Место и время этого сбора остались неизвестны. Но, похоже, мастера спешили, если судить хотя бы по тому, с какой скоростью было организовано другое событие, а именно – посвящение лидера НСДАП Адольфа Гитлера, который, не будучи посвящен, не мог присутствовать на съезде. А его присутствия желали. И магистр «Туле» вынужден был согласиться.

Уже 4 сентября Гесс в очередной хронике записал: «Трибун посвящен. Он делится впечатлениями». После точки – три креста, которые у Гесса всегда, начиная с писем родителям с фронта и до последнего письма из Шпандау в 1987 году, означали смех. Ниже – четыре рисунка зеленым карандашом, под ними подпись Гитлера, такая же, как на его ученических акварелях.

Первый рисунок представляет собой темный фон вокруг расплывчатой белой фигуры в длинном облачении, с повязкой на глазах и вытянутыми вперед и несколько вниз руками. Общий контур фигуры соответствует четвертой руне ас. Однако он противоречит сути первого

этапа посвящения неопфита, потому что руна ас помимо духовного посвящения и магической интуиции служит усилителем произносимой речи, а неопфит на этом этапе вообще-то должен помалкивать.

Второй рисунок – та же фигура. Из ее слегка разведенных в стороны рук словно вырастают две руны зиг и уходят вниз, как молнии. То есть фигура выглядит как бы прикованной к подразумеваемой почве. Или подразумевается, что из почвы через руны поступает энергия?

Третий рисунок – классика жанра – над фигурой в балахоне два скрещенных меча.

Четвертый сначала кажется пятном грязи размером с три первых. Его лучше рассматривать через увеличительное стекло. На нем светлая фигура в балахоне идет по темному тоннелю, визуальнo несколько вверх, к свету в конце; над ней тонкий вогнутый свод; а выше – хаос: люди, пушки, орлы, пламя, стайки летящих копий, скрещенные мечи, дубы, на которых вместо птиц сидят танки, над дубами валькирии вперемешку с самолетами и еще какими-то летательными аппаратами, вроде летающих тарелок, и снова – пламя, люди, молнии, свастики, орлы и копья. Ключ к этому хаосу есть – это сама форма рисунка в виде неполной луны, упавшей а-ля Гербигер и вверх рогами: левый рог – это светлый конец тоннеля, по которому движется фигура, в правом, как жучок в щели, сидит руна дагаз, предпоследняя в футарке. Она похожа на латинскую букву икс, у которой связаны противоположные вертикальные концы. Руна дагаз толкуется, как высшая степень гармонии земного с небесным, а для посвященного – полное духовное перерождение и появление в новом облике.

Подытожу все это следующей записью из «хроники» Гесса в той же краткой временной цепочке, то есть от 13 сентября 1921 года: «Тайные силы, деньги и армия, тайные силы... Мы только с виду будем двигаться по кругу».

У меня есть некоторое сомнение в том, что четвертый рисунок сделан Гитлером – уж очень малы на нем фигурки, а Гитлер после войны страдал болезнью глаз. Снова Эмиль Морис? Едва ли, его к «хроникам» уже не допускали. Сам Гесс? Он рисовал, и неплохо, но к чему тогда эти его кресты, обозначающие смех? Не тот случай, чтобы иронизировать.

В общем, перефразируя поэта – все это было бы смешно, когда бы не было так страшно.

11

Когда этот человек шел по улице, сидящие у стен нищие-инвалиды, ветераны войны, даже самые опустившиеся, приподнимались на своих обрубках, выпрямляли спины в инвалидных тележках; женщины что-то шептали детям, и дети, замерев, провожали испуганными и благоговейными взглядами его плотную фигуру в генеральском мундире, с гордо поднятой головой. Иногда кто-нибудь из мужчин решался подойти, что-то сказать и, выслушав несколько слов в ответ, отходил с просветлевшим выражением лица.

В рабочей среде генералов не любили, презрительно называли «недовоевавшими забияками», но и там этот генерал был отдельным человеком, образцом храброго солдата, дорогим сердцу немца. Даже участие в Капповском путче, погубившее не одну репутацию, не нанесло ему урона, ибо в годы всеобщего цинизма и шкурного предательства он упорно демонстрировал пусть ложные, но принципы.

И конечно, не одна партия стремилась заполучить его в свои ряды!

Неверно, однако, думать, что Эрих фон Людендорф, а речь о нем, сразу признал в НСДАП своих. После провала первого путча генерал, не переводя духа, принялся готовиться ко второму. Он стал искать партию, но такую, которая сумела бы опереться на рабочих – главных виновников недавнего провала. Летом и осенью 1922 года Людендорф встречался с лидерами не менее десятка партий, но никто не дал ему четкого ответа на вопрос: как из треклятого лозунга «Свобода, равенство, братство» вычленишь и поднять как знамя одно братство –

сакральное братство всех немцев против сатанинских либеральных свобод и ненавистного коммунистического равенства.

И вот в ноябре 22-го года Рудольф Гесс делится со своим наставником Карлом Хаусхофером вставшей перед ним задачей – организовать встречу с Людендорфом, который уже дал на нее согласие, однако выразил пожелание, чтобы присутствовали максимум трое: лидер и еще пара приличных людей.

– Значит, Адольф, я и, может быть... Рем? – вслух рассуждал Гесс.

Но Хаусхофер резко мотнул головой:

– Ни в коем случае! Распушенность Рема не покроеет его фронтовых заслуг. Лучше пригласи Штрассера.

Теперь Гесс поморщился: «Ну уж нет! Грегор Штрассер замордует старика своим социализмом да еще прихватит с собой братца Отто, а тот вообще...»

– Выходит, приличных людей у вас раз да два?! – усмехнулся Хаусхофер. – Ладно, Руди, дам тебе совет. Все равно на этой встрече Адольф никому и рта не даст раскрыть, так что поищи кого-нибудь просто для солидности – боевого, с наградами. Помнишь, ты мне сказал, что к нам на первый курс пришел тот капитан, последний командир эскадрильи «Рихтгофен». Ты говорил, у него кроме Железного креста еще орден Льва с мечами, орден Карла Фридриха, «За заслуги»... Вот кто вам нужен! Старику будет приятно!

Гессу повезло: бывший командир 1-й эскадрильи капитан Геринг, несмотря на яростные попытки заработать, требовавшие постоянных отъездов, и бурный любовный роман с замужней шведкой, оказался в Мюнхене. Они встретились за кружкой пива, поговорили, но расстались как-то неопределенно. Может быть, оттого что Геринг пришел с приятелем, который все время скалил зубы да острил, а Гесс не мог поставить его на место, поскольку этого парня звали Эрнст Удет и он был самым результативным немецким асом, пережившим войну: 62 победы – не шутка, при том, что у Геринга было 22, а у Гесса – вообще ни одной.

Но Рудольф сделал еще попытку и положился на ораторский дар Гитлера. Он пригласил Геринга прийти в воскресенье на Кёнигсплац, где фюрер собирался выступить.

Геринг пришел. Во время речи Гесс встал с ним рядом, собираясь комментировать некоторые пассажи, которые, возможно, будут тому непонятны. Но этого делать не пришлось. «Наши боги вмешались», – позже напишет Гесс. «Вмешательство» заключалось в том, что когда Гитлер влез на грузовик, с которого выступали ораторы, пасмурное ноябрьское небо внезапно прорезал шальной, солнечный луч и ударил в лицо оратору. От этого «божественного» удара Гитлер ослеп, взмок, осатанел и с третьей фразы впал в истерику, сам будучи в полной уверенности, что провалится. Он говорил как человек, которому нечего терять, и толпа это оценила. Уже через несколько минут вокруг Геринга все орало, металось и выло в одобрительном экстазе. Это его необычайно возбудило; его восхищенный оратором взгляд то и дело возвращался в толпу и бегал по орущим лицам – жадно и ревниво.

«Всё. Он наш», – сказал себе Гесс.

И не ошибся.

12

Осень 1922 года едва не свела Гитлера с ума. Во-первых, Дитрих Эккарт, только что вернувшийся из Италии, поделился впечатлениями о так называемом «походе на Рим» во главе с горластым парнем по имени Бенито Муссолини: толпа вонючих оборванцев так перепугала миниатюрного короля Виктора Эммануила, что тот предложил тридцатидевятилетнему журналисту сформировать кабинет министров.

– Хорошо этому дуче! Вот что значит монархия, – чуть не рыдал Гитлер. – От монархии до диктатуры один шаг! А из республиканского болота, куда ни шагни – одна топь! Да мы все передохнем, пока в этой стране что-нибудь изменится!

В перерыве между его воплями Эккарт вставил продуктивную идею – позаимствовать и пересадить на немецкую почву первое слово из названия созданного Муссолини союза – «Фашио ди компаттименто». Гесс сделал об этом краткую запись в своей «хронике», дав толкование этого латинского слова – объединение, союз, связка или пучок прутьев, которые ликторы (во время военных походов почетная стража высших древнеримских чиновников) носили перед ними в знак их власти, вкладывая в такую связку топорик.

Но Гитлера сейчас терзало только одно слово – «Муссолини». Ведь этот горлопан, будучи не намного старше, уже достиг того, к чему Адольф еще и не приблизился! Гесс его подбадривал грядущей встречей с Людендорфом, но Гитлер и тут предвидел одни мучения. Он вбил себе в голову, что не понравится генералу.

– Я знаю, я чувствую, – твердил он.

Перед самой встречей, когда Гесс уже остановил машину возле отеля «Байрише Хоф», Гитлер закрыл глаза и сказал: «Я буду молчать. Делайте что хотите».

Геринг, приехавший с ними – чрезвычайно эффектный при всех орденах, однако догадывавшийся о своей декоративной роли, с удовольствием из нее выскочил: «Вы просто устали, – сказал он Гитлеру. – Пока вы сосредоточитесь, я займу внимание генерала».

Без четверти шесть они уже сидели за столиком. У Гитлера так потели ладони, что он без конца вытирал их салфетками и, скомкав, бросал на пол. Выглядело это довольно неопрятно, и Гесс позвал было официанта, чтобы тот все собрал, но пробило ровно шесть, и в дверях появился Людендорф. К счастью, его первый взгляд упал не на ожидавшую его компанию, а задержался на их охране – четверо крепких парней стояли навтыжку с внешней стороны кабинета: ветераны-штурмовики, «красавцы»: один без глаза, другой без уха, которое ему в рукопашной отгрыз румынский солдат; третий весь в шрамах...

– Это что за берсерки? – пошутил Людендорф, еще раз с явным удовольствием оглядывая охранников (Гесс в это время успел кое-как загнать ногой под стол набросанные Гитлером салфетки).

– Лучшие среди асов! У каждого своя история! – лихо соврал Геринг.

Генерал широко улыбнулся. А Гесс слегка покраснел: он отнюдь не был уверен, что их новый товарищ имеет в виду мифических асов из страны Асгардов, то есть что Геринг понимает язык избранных.

Так или иначе, но разговор начался с благожелательной ноты.

– Я прочел двадцать пять пунктов вашей программы; не всё мне по душе, но я предпочитаю людей, имеющих убеждения, людям, имеющим взгляды, как предпочитаю битых солдат прыщавым студентам. Но... вот я слышал, вы не приемлете христианство, – вдруг повернулся Людендорф к Гитлеру, – я не религиозен, но есть вещи святы, неколебимые. Что скажете?

– Скажу, мой генерал, что вера не позволяет отделять грехи от ошибок. Для политика это неприемлемо, – отчеканил Гитлер.

У Людендорфа скакнули вверх брови. «Хм», – только и произнес он и налил себе коньяку.

– Христианство – упадническая, печальная, лунная религия; ее носители трусливы и слабы. Мы – арии, люди солнца... – начал было Гесс, но увидел, что их гость нахмурился.

– Если позволите, мой генерал, я сформулирую основную мысль стратегической политики НСДАП, – опять встрял Геринг. – Мы рабочая партия. С рабочими нужно оперировать простыми арифметическими действиями: сложить, вычесть, остаток... Возьмем, по примеру штабных учений, две армии – красную и синюю. Если из красных вычесть синих или наоборот – из синих вычесть красных, что останется?! Вот она, суть гражданской войны. Мы же

предлагаем, соединив синих с красными, вычисть все нечистое: евреев, африканцев, цыган... Что в остатке? Единая нация, очищенная от скверны. Вот так примерно мы объясняем рабочим, – поспешно добавил Геринг, потому что Людендорф сморщился, не столько от ломтика лимона, сколько от его слов.

«Мы говорили час, – записал в “хронике” Гесс. – Пожимая нам на прощание руки, Л (Людендорф. – Е. С.) сказал, что он “предпочитает прозрачную воду, даже если в ней не водится форель”. Полагаю, ответ прозрачен, и в нашу пользу. Рем, которому я передал разговор, считает также. <...>

Рем поставил вопрос об униформе. Он сказал, что где-то на австрийских складах валяется партия “тропических” рубашек для бывшей кайзеровской армии. Как быстро прошли эти три романтических года! Я стал утилитаристом и, пожалуй, теперь слетал бы в Вену за рубашками».

13

К зиме 1922 года Германия могла похвастаться своеобразным рекордом – наличием около трех сотен политических партий. Три, пять, семь человек встречались в пивной или ночном клубе, ругали всех подряд, сходились на отрицании всего сущего и ненависти к чему-то конкретному, например, к Вальтеру Ратенау, французским банкирам или Комиссии по репарациям, затем решали проблему с названием. Все стремились жонглировать одними и теми же словами: патриотизм, социализм, нация, демократ, свобода, рабочий, единство. Но поскольку число комбинаций тут конечно, то и возникали периодически такие, к примеру, названия, как «Баварские львы» или «Партия сексуальной нетерпимости». Любопытно, что в уставе у этой «Нетерпимости» первым пунктом стоял «бойкот французских товаров», а четвертым – террор в отношении чиновников, «ответственных за выполнение условий Комиссии по репарациям». Когда 26 декабря правительство официально объявило об отказе от выплат репараций, несколько десятков партий подобного рода благополучно рассыпалось.

Конечно, среди всего этого партийного мусора НСДАП стояла неколебимо. Вот только фигурировала она пока не как политическая единица, а в пакете общих патриотических сил. Это было обидно.

Через полвека, отбывая пожизненное заключение в тюрьме Шпандау, Гесс напишет о зиме 22-го года: «Мы уже имели свое лицо, и мы стремились показать его обществу. Но мы были молоды и мы торопились».

Так он напишет в 1972 году, а тогда главные «стратеги партии» – сам Гесс, Розенберг, Рем, Вальтер Дарре, Геринг – предложили Гитлеру «задачу дня», которая была сформулирована так: «Они должны о нас помнить». Формулировку дал вступивший только что, в ноябре, школьный учитель из Нюрнберга по имени Юлиус Штрейхер. До этого он уже побывал в нескольких партиях и в НСДАП пришел со скандалом, настроив против себя все руководство, за исключением Гитлера, который, сам будучи актером по призванию, очень ценил в соратниках выраженное амплу. Например, Гесса он, в шутку конечно, называл «стеной плача», Розенберг был «теоретик», Рем – «храбрый солдат», Геринг – «представительское лицо», ну а Штрейхера с первого дня записали в «штатные антисемиты».

Вообще, все вступающие в НСДАП, как, впрочем, и в любую партию, делились на «вступающих молча» и «вступающих с предложением». «Предложение» Штрейхера было такое: каждый месяц силами в основном партийной молодежи проводить «трехдневки пощечин», «декады плевков» и «фестивали молотых челюстей».

Партийная хроника Рудольфа Гесса стыдливо умалчивает о том, как воплощались эти «задачи дня». Но есть и другие хроники, например, так же стыдливо замалчиваемая историками хроника университета города Мюнхена зимы 22-го года. 27 декабря студент-первокурс-

ник Н. при выходе из аудитории дал пощечину преподавателю М. При разбирательстве этого эпизода Н. заявил, что является членом Национал-социалистической рабочей партии и его поступок – это «акт». Уже на следующий день ошарашенное руководство университета снова вынуждено было разбираться с аналогичными «актами» студентов А, Б и В, на третий день – студентов Г, Д и Е, а на четвертый разбираться стало уже поздно, потому что университет охватила какая-то эпидемия: студенты первого и второго курсов вдруг начали энергично плевать. Плевали молча, под ноги преподавателям-евреям или тем, кого считали евреями. Преподаватели же вели себя по-разному: например, профессор К. объяснил студенту Л., что он не еврей, и плюнувший Л. перед профессором публично извинился; а вот профессор Р., взглянув на плевков на своем ботинке, молча взял студента С. за шиворот, выволок на улицу и уложил лицом в грязный снег.

Последовало несколько исключений, но, в общем, университет, что называется, решил не выносить сор из избы. Мюнхен, «веселый Мюнхен» – культурная столица Германии, и вдруг... такое!

Повторяю, в партийных «хрониках» Гесса о плевках и пощечинах ничего впрямую не сказано. Но 30 декабря появляется такая запись: «Любое действие, попирающее общественную мораль, вываливающееся за рамки правил и норм, есть художественный акт». И дальше: «Политическая борьба есть художественное творчество, и мы докажем это».

Если дополнить эту запись несколькими письмами Гесса сестре в Александрию, в которых он рассуждает об объединении художников под названием «Дада» и их знаменитой выставке 19-го года, где «Мона Лиза» появилась с бородой и усами (а еще раньше выставлялись, например, колесо велосипеда на подставке и перевернутый писсуар), то все встает на свои места. И тогда плевков на ботинок профессора-еврея можно рассматривать как художественный акт.

Вот такими «актами» НСДАП и собиралась активно заниматься в новом, 1923 году (не забудем еще о «фестивалях молотых челюстей»). Однако наставники и мастера сочли партию пригодной уже для целого «перформанса», и в январе 1923 года в «хронике» Гесса впервые появляются слова «национальный баварский переворот», со штаб-квартирой в веселом Мюнхене.

14

В апреле 1923 года Адольф Гитлер написал первое в своей жизни завещание. Четыре месяца он болел ангиной, потом воспалением связок, при этом был уверен, что у него начинается рак горла. Страх перед этой болезнью будет глотать его до конца дней. Это будет страх не только перед страданиями тела. Гитлер принадлежал к числу тех вождей-фанатиков, чье дело прирастает к их плоти, как отравленный хитон Деяниры, и содрать его можно только вместе с собственной кожей. Для таких лидеров их болезнь хуже смерти: она не только вдохновляет его врагов, но и в стане соратников вызывает брожение, разлагающее дело.

Нечто подобное и начало происходить в первой половине 1923 года.

В январе франко-бельгийские войска оккупировали Рур и Рейнскую область; нацисты тут же провели протестное мероприятие – свой первый «партийный день» – прошли по улицам с барабанами и знаменами, организовали два десятка митингов, на которых Гитлер произносил речи. Ему рукоплескали, о нем начали писать газеты. Теперь главное было держать темп, но для этого требовалась здоровая глотка! А в оккупированном Рейнланде, к которому было приковано внимание немцев, ораторствовал в это время настоящий герой, белокурая бестия, лучший ученик Гербигера – Альберт Шлагетер! Этот парень имел такой успех, что в два-три месяца затмил всех националистических ораторов, и Гитлера в том числе. Шлагетер сделался настолько популярен среди мюнхенских нацистов, что ему начали подражать и самое страш-

ное – сравнивать с лидером. Гитлер от зависти и ревности совсем поплохел. Но рядом был верный Гесс, верящий Штрассер, преданный Гиммлер... Как историк я пока не располагаю фактами, позволяющими четко проследить их роли в последующих событиях, но и имеющиеся факты не стоит игнорировать, а потому – судите сами!

9 марта руководитель северного отделения НСДАП Грегор Штрассер сообщает Гессу о своей проблеме: присланный к нему в качестве секретаря Генрих Гиммлер – славный малый, исполнительный и расторопный, но его невозможно выпереть на трибуну. «Ты знаешь, – пишет Штрассер, – насколько я сам не оратор, поэтому мне нужен рядом кто-нибудь погорластей, и я уже нашел замену. Скажу без преувеличения: Цицерон возродился!»

Гиммлера, однако, пока не отозвали обратно в Мюнхен. Но рядом со Штрассером начинает маячить еще одна – низенькая, тщедушная, колченогая фигурка, глядя на которую можно испытывать что угодно, только не зависть.

В начале мая партия готовит большой митинг на Мариенплац, чрезвычайно важный в тактическом отношении. И вот, неожиданно для всех (кроме Гесса), вместо Шлагетера Штрассер привозит в Мюнхен на митинг этого своего нового секретаря – человека в кожаной куртке, воинственно перепоясанного ремнями и в огромной шляпе.

– Знакомьтесь, мой секретарь и... лучший оратор северных земель – товарищ Геббельс! – восклицает Штрассер и сверху могучей рукой хлопает товарища по плечу, едва не вбив по шляпу в землю.

Гитлера среди присутствующих не было: его Гесс привез в последний момент, когда Геббельс уже карабкался по высоченным ступеням на помост, с которого выступали ораторы.

Дальше – картина под названием «Гитлер, слушающий Геббельса» или готовая сцена для кино. Как сценарист я вижу ее в деталях, вплоть до цвета глаз Адольфа, которые при внутреннем переходе от паники к концентрации воли становились водянисто-прозрачными, и странной, отдельной от лица улыбки, как у Чеширского кота, которого чешут за ухом.

Но вернемся к фактам.

После митинга Гитлер приглашает Геббельса на виллу под Мюнхеном, принадлежавшую Эрнсту Ганфштенглю (тоже любопытный персонаж, но о нем позже), и они долго там беседуют, наедине. Когда Геббельс уехал, Гитлер сказал Ганфштенглю: «Этот крошка Цахес мне нужен, а герои пусть отправляются в Валгаллу». Ганфштенгль был, конечно, большой шутник, но эту же фразу приводит и сверхсерьезный Грегор Штрассер. Так что примем ее хоть и за бледный, но факт приказа. Дальше следуют два отчетливых факта выполнения: первый – личное поручение Гесса Гиммлеру «сопровождать и обеспечивать охрану Альберта Шлагетера»; второй – арест Шлагетера французскими оккупационными властями при обстоятельствах, больше напоминающих выдачу его своими. Третий, тоже отчетливый, – это хорошо известный профиль дальнейшей деятельности Генриха Гиммлера – «хирурга тайных операций» НСДАП.

«Героя» Шлагетера казнили 26 мая 1923 года, и он отправился в Валгаллу, откуда в тридцатые станет слетать в речи, стихи, песни и пьесы. А в берлинском кабинете рейхсфюрера СС Гиммлера, то есть с 36-го по 45-й год неизменно, на одном и том же месте будет висеть его фотография, перечеркнутая копьсообразной семнадцатой руной тюр.

По легенде, когда воины викинги сходились в ритуальном поединке, держа в руках по копью, бог Тор вкладывал силу лишь в руку правого. Большой романтик был Генрих Гиммлер!

15

В лунную ночь на 29 апреля 1923 года в тихом пригороде Мюнхена, всего в полусотне метров от шоссе на Дахау, в почти сомкнутом круге из двух молодых рощ происходило нечто. Проезжающий по шоссе мог бы заметить мечущийся за деревьями огонь и слышать невнятные звуки, а если бы он, заинтересовавшись, вылез и пробрался поближе, то увидел бы смутные

очертания чего-то крупного, огнедышащего и как будто огрызающегося на сотни три нападавших. Выстрелов слышно не было. Воины в стальных шлемах кидались на врага по старинке, пуская в ход кулаки и зубы, а воздух над схваткой буквально вибрировал от рычания и хрипа.

Впечатлительный наблюдатель, наверное, вообразил бы себя телепортировавшимся в какое-нибудь языческое королевство, откуда короли-маги со своими рыцарями совершали героические вылазки на злонамеренных драконов. Человек же трезвомыслящий поспешил бы вернуться на шоссе, а заметив шесть пустых грузовиков у обочины с характерными треугольными флагами, на которых словно светились под луной черепа и кости, просто убрался бы побыстрее от этого места.

«О, славные времена, когда мы готовились к боям за нашу Германию! О, эти бои, достойные новой Эдды!..» – будет позже восклицать романтический Рудольф Гесс, вероятно имея в виду и эту странную ночную потасовку, которую он же, но в трезвом состоянии духа назовет «собачьей свалкой».

Подозреваю, что спланировал ее Геринг. Именно он послал в Ландсхут, Грегору Штрассеру экстренную просьбу как можно скорей прибыть с парнями в указанное место, в пригороде Мюнхена на выручку своим, которых захватили боевики-коммунисты. Импульсивный Штрассер тут же оседлал шесть грузовиков и помчался. По дороге он вскрыл лично ему адресованное письмо от Гитлера, в котором говорилось, что это будут «учения»: его штурмовикам предстоит драться со своими же – мюнхенскими штурмовиками Геринга и отрядом из студентов под командованием Гесса, но ни те ни другие не должны знать правду о противнике и драться обязаны всерьез.

Так они и дрались под предводительством своих командиров-мистификаторов: мюнхенцы оборонялись внутри здания (это был старый охотничий дом генерала Риттера фон Эппа, который он отдал на разорение), а штрассеровцы – нападая извне.

Догадайтесь, кто вышел победителем? Об этом мы узнаем по тем мерам, которые были приняты к побежденным.

Днем 30 апреля, на мюнхенском поле Обервайзенфельд, где часто упражнялись военизированные формирования, Рем выстроил провинившийся «мюнхенский легион» и подверг его процедуре децимации. Он вызвал из строя каждого десятого и расставил цепью вдоль стены.

– Когда вы трусливо бежали из горящего здания, – резко произнес Рем поверх склоненных голов, – доблестный капитан Геринг бросил знамя отряда обратно. Вы должны были вернуться и отбить знамя. Но вы трусили.

Потом он повернулся к штурмовикам, стоящим напротив обреченной цепочки, и командовал: «Целься! Огонь!».

Выстрелы, как вы понимаете, были холостыми, но позор – настоящим.

В тот же день, 30-го, состоялся и разбор «учений» в руководстве. Несмотря на неудачу в первом же бою, Геринг, ничуть не смущаясь, продолжал отстаивать свою систему воспитания штурмовиков как «политической армии», для которой нет правил и все средства должны быть пущены в ход. Просто их нужно отрабатывать против стандартных методов ведения боя, которыми пользовались штрассеровцы! Геринг был очень убедителен, а выигравший ночное сражение Штрассер задумчиво помалкивал.

Гитлер слушал, кусал губы; потом резюмировал все это приказом о ночном побоище «не распространяться». Подразумевалось – не доводить до сведения Людендорфа. Гитлеру очень не нравилась и кривая усмешка на губах Рема, смысл которой он поймет на следующее утро – 1 мая, когда плотные ряды коммунистической демонстрации пройдут под носом у выстроившихся наготове нацистов, а Рем так и не отдаст приказа ринуться в бой.

«Мы еще не готовы», – скажет он Гитлеру.

Во время позорного выстаивания штурмовиков перед лицом триумфальной демонстрации красных, Гитлер совершил внешне твердый поступок: он сам встал в ряд подразделения

капитана Хайса и стоял под насмешками публики, пока первомайские акции не завершились. Таким образом, был вбит очередной клин «испанского сапога», и самолюбие Адольфа продолжило свою разрушительную трансформацию в самолюбие политика.

Кстати сказать, брат Штрассера Отто утверждал, что ненависть Гитлера к Рему родилась именно 1 мая 1923 года. А у Геббельса я нашла такой вот стишок:

Ни сердцу, ни уму
Не ставлю я в укор,
Что подписал ему
Я смертный приговор.
Сегодня поутру
Решен его удел,
Хоть подпись наяву
Поставить я не смел.
Пока...

16

Это письмо было отправлено Рудольфом Гессом сестре Маргарите в город Александрию 24 августа 1923 года. Текст я привожу полностью.

Моя славная маленькая Гретхен!..

Мои поздравления и подарок на твое пятинадцатилетие придут непременно и в свой срок, и я надеюсь, они тебе понравятся. Надежды же, что это письмо, которое я передам с okazji, также тебя порадует, у меня нет никакой, и думаю, что, может быть, не стоит показывать его и нашей маме. Разве отношения, возникающие между братом и сестрой, не заслуживают некоторого обособленного существования, а тем более такие, как наши?! Ты столько раз просила меня быть искренним, делиться с тобой тем, что американцы называют «проблемами», и вот теперь я это сделаю в надежде, что ты, находясь постоянно с нашими родителями, сможешь мне несколько смягчить тот неприятный факт, что я не в состоянии выполнить ни просьбу мамы, ни настоятельного пожелания отца.

Ты знаешь, чего хочет наша мать, – чтобы я немедленно женился, а не доводил свои отношения с чудесной достойной девушкой до банального недостойного конца. Я люблю Эльзу. К этому нечего прибавить. Я люблю ее и считаю своей женой перед Богом. Но связывать свою жизнь с ее судьбой перед людьми пока не имею права. По той же самой причине я не могу удовлетворить и желание отца закончить, наконец, университет. По этому поводу отец даже писал Карлу Хаусхоферу, и Карл это поддерживает и настоятельно советует мне сдать еще две сессии, защититься и получить эту несчастную степень, которая нужна мне, как седло дойной корове. Неудачное сравнение!.. Неважно... важно, что у каждого в этом мире свой путь, а я счастливо отличаюсь от коровы и от большинства двуногих тем, что предчувствую его, а значит, твердо знаю, на что не должен тратить отпущенное мне время.

Помнишь, я как-то сказал тебе, что есть люди «одного поступка»! Я сказал тебе это в нашем родном Вунзиделе, возле дома, где жил Занд. Его путь

был короток, мой будет длиннее – я это тоже предчувствую, – и мой будет антизандовский.

Но главное, милая Грета, что я уже стою на этом пути обеими ногами и готовлюсь сделать первый необратимый шаг. Мы, партия, сделаем его уже очень скоро, может быть, этой осенью. Я думаю, ты поняла меня сразу, и поняла правильно: в нашей борьбе мы сделаем решительный шаг.

И тут кое-что мне важно сказать именно тебе: меня по-настоящему огорчает, заставляет глубоко страдать твое непонятно откуда и как зародившееся отношение к человеку, который дорог мне, как ты и Альфред. Ты должна знать – я боготворю Адольфа. Я верю в него. Я за него умру, как умру за тебя, за брата, за родителей и за Эльзу. Вот такой круг очертило мое сердце, и если я тебе дорог, прими его, детка, раз и навсегда!

Теперь от сантиментов – к некоторым конкретным обстоятельствам, которые ты должна понимать. Начало всякой революции – это как вскрытие бутылки с шампанским – ничего нельзя просчитать заранее. Но, как говорил Бонапарт: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». А в нашем случае «бутылка» еще и сильно разогрелась. Я знаю, что ты сейчас воскликнула: «Да ты авантюрист, мой братец Руди!». А я и не спорю.

Политический авантюризм, а любая революция в начале и есть авантюра... так вот этот авантюризм, подставляющий под смертельные удары множество людей, а иногда и весь народ, оправдан в том случае, когда эти люди, этот народ и без всяких ударов революции гибнет и вымирает, окутанный и спеленутый подлым либеральным враньем о свободах. Этого не понять тому, кто, как и ты, живет вдали от Германии. Но я пока не зову тебя в фатерланд, я не хочу, чтобы ты отравилась трупным воздухом общего разложения и распада. Ты нужна мне такая, как есть – строгая и чистая, маленькая моя судия, безгрешная душа, право которой неоспоримо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.